

Mikhail Kabitskiy

Lomonosov Moscow State University, Russia

Неожиданная пограничность. Случай Боровичей

Аннотация

Явление пограничности следует рассматривать не только в актуальном аспекте. Его уместно дополнить диахронным подходом историка и свойственным для антрополога интересом к особенному, специфичному, к качественным аспектам реальности. Показателен пример Боровичей – одного из городов Северо-Запада России, изучавшегося в рамках проекта «Социальная антропология современного российского города». Город, воспринимаемый как экономический и культурный центр восточной части Новгородской области, сложился, как выясняется при глубоком рассмотрении, на целом «пучке» природных, культурных, этнических и других границ. Можно сделать вывод, что факторы разъединения могут в определённых условиях стать факторами объединения, что пограничное положение может оказаться выгодным и привести к формированию нового центра, делая таким образом периферийность и центричность относительными.

Ключевые слова: пограничность, периферийность, центричность, Боровичи, Новгородская земля

Феномен пограничья не случайно всё чаще попадает в последнее время в сферу внимания общественных наук. Его актуальность как никогда велика в нашем – как ни банально об этом напоминать – глобализирующемся мире: как на пространствах, где происходят интеграционные процессы, так и в тех зонах, где всё ещё сохраняются старые или устанавливаются новые разграничительные линии¹. Не менее (а вероятнее всего, особенно) эта тема актуальна для Центральной и Восточной Европы.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что явление пограничности стоило бы рассматривать не только в актуальном аспекте. В целом универсализирующий и синхронный подход, взгляд социолога на общество как на сущностно единый феномен, функционирующий согласно определённым закономерностям, может нести в себе как преимущества, так и предпосылки слабости. Если

¹ Не стоит забывать, например, что в последнее время – за немногим более двух десятилетий – возникли десятки новых признанных и непризнанных государств, практически всегда за счёт разделения ранее существовавших государственных образований, но в то же время имело место лишь два случая объединения (Германия и Йемен).

дополнить такой взгляд диахронным подходом историка и свойственным для антрополога интересом к особенному, своеобразному, к аспектам качественным (и – возможно – даже субъективным), это может придать нашему видению даже привычного казалось бы предмета подчас неожиданную глубину. Явление порой может радикально «изменить свой знак», спутав наши представления о пограничном и ядерном, о центричности и периферийности.

Поделиться любопытным примером в виде такого частного случая и предложить некоторые более общие размышления, к которым приводит рассмотрение подобных явлений, и представляет собой цель данной статьи. Пример этот возник в процессе работы автора и его коллег в рамках крупного исследовательского проекта «Социальная антропология современного российского города: изучение и подготовка специалистов»². Проект осуществлялся на протяжении 2009–2011 гг. коллективом специалистов – антропологов и этнологов, а также студентов (всего 37 человек) и включал в рассмотрение 24 города из всех регионов Европейской России. В частности, экспедиционная группа под руководством автора данной статьи работала в г. Боровичи Новгородской области.

Работа велась методом включенного наблюдения, специально адаптированным к полевому исследованию в городской среде. Участники НИР также работали с личными и семейными архивами, хранящими письма, дневники, фотографии и другие уникальные источники для изучения повседневной жизни городского населения, продукцией местных средств информации; изучали устную историю, современный городской фольклор. Изучали статистические материалы, использовали методы визуального наблюдения, аудио-, видео- и фото- фиксации данных, экспертных и неэкспертных, структурированных и полуструктурированных интервью (См.: Артёмова, Антропова 2010, с. 8).

Применение методов социальной антропологии позволило собрать необходимую информацию не только о социально-экономической ситуации в конкретных городах, но и о восприятии ее населением. Только непосредственное и достаточно длительное общение с людьми может дать представление о мотивациях, ценностях и культурных стереотипах населения, оказывающих ключевое влияние на его поведение. Как отмечается в отчёте по проекту, проведение подобных исследований имеет большую эвристическую ценность в связи с тем, что реальные практики жизнеобеспечения могут значительно отличаться как от прогнозируемых, так и от выявляемых количественными методами анализа социальной действительности (Тишков и др. 2010, с. 6).

Если попытаться дать интуитивную оценку, то в случае многих других городов, вовлечённых в проект, таких, как Светлогорск и Балтийск (в российском эксклаве на Балтике – Калининградской области), Тамань и Темрюк (отделённые Керченским проливом от Крыма), наконец, Стародуб и Унеча

² Государственный контракт 02.740.11.0352 от 20 июля 2009 в рамках Федеральной целевой программы Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013. Исполнители: Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ и Институт этнологии и антропологии РАН.

(на Брянщине, принадлежащие к Полесью – территории, которую можно считать одним из наиболее известных и колоритных примеров пограничья в Восточной Европе), можно было ожидать характерных признаков пограничного города, культурной диффузии, взаимовлияний и взаимных противопоставлений. В значительной степени так и оказалось (см. соответствующие главы в: Тишков и др. 2010).

Но в случае Боровичей, казалось бы, ничего подобного ожидать не приходится. На первый взгляд, трудно представить себе город, который был бы более внутренним, центричным, сохраняя при этом характер провинциального. Однако чем дальше мы знакомимся с его прошлым и настоящим, тем более рельефно выступала картина гораздо более сложная и неоднозначная.

Центричность восприятия Боровичей основана в значительной мере на их расположении почти посередине между двумя столицами: «это где-то между Ленинградом и Москвой», как пелось в популярной песне. Расстояние по автодороге до Москвы составляет 448 км, а до Санкт-Петербурга – 333 км., но с учётом традиционного для большинства россиян способа перемещения – по железной дороге – его можно определить как «одна ночь в поезде» в обоих направлениях. С учреждением в 2000 г. деления страны на федеральные округа, оказалось, что Боровичи находятся почти на границе Центрального и Северо-Западного округов (входят в состав последнего). Вместе с тем город не лежит на важнейших транспортных путях, связывающих две столицы (федеральной автотрассе «Россия» и Октябрьской железной дороге), а находится несколько в стороне от них. По отношению к областному центру – Новгороду – Боровичи расположены в противоположной (восточной) части области, на расстоянии 194 км.

Можно было бы предполагать, что город будет в примерно равной мере тяготеть к обеим столицам, либо даже ожидать преобладания московского направления (в связи с большим социально-экономическим весом Москвы). Подобное, кстати, наблюдалось в ряде других включённых в исследование городов, где миграция (трудовая, для получения образования и т. п.) в Москву преобладала по сравнению с другими центрами, несмотря на значительно большее расстояние.

Однако в случае Боровичей этого не происходит. Хотя расстояние различается и несущественно, именно Санкт-Петербург традиционно был и остаётся для боровичан крупным центром, оказывающим наиболее значительное культурное влияние. Здесь уместно вспомнить, что в конце XIX – начале XX вв. благодаря здоровому климату и красивым видам Боровичский уезд стал одним из излюбленных мест петербургских дачников. А также, что Новгородская область была образована только в 1944 г., до этого областным центром был Ленинград. В период войны связи ещё более упрочились благодаря, в частности, эвакуации в Боровичи населения, предприятий промышленности и учреждений культуры из осаждённого Ленинграда (Полевилов 2006, с. 70).

Традиции и стереотипы восприятия сохраняются, тем более, что в северной столице сложилось довольно обширное «землячество» боровичан, где многие могут рассчитывать на поддержку родственников и знакомых. Как

в рассказах наших респондентов, так и в сторонних материалах, мы встречаем ссылки почти исключительно на город на Неве в качестве полюса притяжения: «Хотелось бы... чтобы люди не пытались свалить в “большой город” – 12 м² за 10 тыщ снимать, но “лишь бы в Питере жить”, а вместо этого реализовывались тут» (Поликарпов 2010; ПМА 2010).

Впрочем, имеет место и обратное движение – те, кто родился в Боровичах, возвращаются в город по прошествии иногда десятилетий, порой в преклонных годах, но подчас и в довольно молодом возрасте. Порой приезжают и люди, ранее с городом никак не связанные (Галактионова 2006; Комментарий 2009; ПМА 2010) – ища спокойных условий жизни, более благоприятной экологической обстановки, простых и естественных человеческих отношений – и опять-таки чаще путь их лежит из или через Санкт-Петербург.

Таким образом, Боровичи и сейчас при своём срединном положении сохраняют и роль пограничного пункта на рубеже Северо-Западного, Ладого-Балтийского и Центрального, Волго-Окского регионов России, отчётливо принадлежат к первому. Как же обстояло дело в прошлом, насколько такая роль города может считаться исконной?

В XIX в. К. Случевский со ссылкой на неназванного им местного исследователя, утверждал: «Нет сомнения в том <...>, что Боровичи и их окрестности издавна были, так сказать, местом встречи московского и новгородского влияний. До сих пор к западу и югу от Боровичей преобладает наречие, близкое к московскому, к северу – новгородское» (Случевский 2009, с. 20).

Действительно, современная диалектология подтверждает, что в восточной части Новгородчины проходит граница разных диалектальных ареалов. Боровичский говор относится к группе ладого-тихвинских говоров севернорусского наречия. Таким образом, он отличается от собственно новгородского говора, относящегося к западным среднерусским говорам (Русская диалектология 1965: карта; Захарова, Орлова 2004, с. 18–26). Конечно, здесь следует иметь в виду совершённые после присоединения Новгорода Иваном III переселения жителей из «мятежного» Новгорода в другие части Московского государства, а москвичей – в Новгород. Однако в определённом смысле этноязыковые отличия жителей боровичского края от обитателей центра Новгородчины могут быть возведены и к более ранним временам.

Чрезвычайно интересны в этом отношении новые работы В. Васильева по архаической топонимии Новгородской земли. Им, в частности, выявлено, что, вопреки устоявшемуся мнению о преимущественно финно-угорском субстрате населения Новгородской земли, не меньшую роль, чем финны, а во многих районах – и главнейшую – играли носители балтских языков. Для нашей темы существенно, что Боровичи отмечены лингвистом как один из пунктов той языковой границы (от Нарвы до Бежецка), к юго-западу от которой «топонимические балтизмы по количеству и по надёжности трактовок обыкновенно преобладают (иногда – в несколько раз) над топонимическими финнизмами» (Васильев 2007).

Другие свидетельства в пользу нашего предположения даёт археология. Известно, что в Боровичском районе найдены погребения как в виде сопок

(обычно связываемых с ильменскими словенами), так и в виде «длинных курганов» (как правило, приписываемых другому славянскому племени – кривичам). В. Седов помещает именно в бассейне реки Мсты (на которой, в её среднем течении стоят Боровичи) северную границу распространения культуры длинных курганов (Седов 1999, с. 120). Вместе с тем, как видно по картографическим материалам той же работы, граница не представляла собой чёткую линию, а скорее широкую полосу, в которой происходила взаимная диффузия и смешение близких культур.

Все эти данные в определённой степени подтверждают ранее сформулированную гипотезу автора данной статьи, о том, что часто современные этнокультурные и языковые различия могут не только соответствовать различному характеру субстрата (что, в общем, широко признано), но что и расселение субстратных этнических групп в свою очередь может быть связано с природными зонами. В этой связи уместно напомнить ещё об одной границе, проходящей, по некоторым данным, по Боровичам или недалеко от них – границе тайги. В то время, как широколиственные леса и лесостепи Восточной Европы входили в прародину славян, смешанные леса были населены балтоязычными народами, а тайга – финноязычными. В дальнейшем в этих зонах сформировались, соответственно: украинцы, белорусы и южные русские, северные русские. Вспомним также, что этнограф Д. Зеленин считал названных выше четырьмя отдельными восточнославянскими народами (Зеленин 1991, с. 29–30). Подобный взгляд, конечно, представляет собой крайность и не был принят этнографическим сообществом, однако интересен тем, что подчёркивает очень существенные этнографические (добавим – и языковые) различия, которые существуют между двумя группами русских. И граница между ними проходит в районе интересующего нас города.

Спустимся теперь с макроуровня на микроуровень. Рассмотрим город как таковой в его пространственной организации; в частности, постараемся учесть её культурно-символические аспекты в духе интересного подхода, предложенного, в частности, Д. Замятиным (Замятин 1999, 2003).

Река Мста играет в этой организации важнейшую роль, группируя вокруг себя массив городской застройки. Город расположен по обоим берегам реки, причём основные артерии как левого, так и правого берега проходят параллельно течению Мсты. Оба берега связывают несколько мостов, в том числе уникальный арочный однопролётный мост 1905 года, являющийся памятником федерального значения.

В определённые периоды в прошлом значение реки было исключительно велико и для экономики города, и для его связи с другими центрами. В особенности это можно отнести к XVIII – первой половине XIX в., к периоду действия Вышневолоцкой водной системы, важнейшего транспортного пути, соединявшего Москву и Петербург. На этом пути самым опасным местом были мстинские пороги, расположенные между селением Опеченский Посад и Боровичами. Барки, проходившие по Мсте, пользовались услугами лоцманов, которые проводили их через пороги. Для поощрения жителей в этом ре-

месле Пётр I освободил их от податей. Не случайно на гербе города изображён корабельный руль.

В настоящее время это уже не так. Судоходства по Мсте уже не существует и транспортной артерией река не является, но сохраняет важную роль, как геотопографическая ось, на которую «нанизана» сеть городских кварталов, а кроме того, и в идейно-символическом плане: с нею связан ряд городских легенд, одно из самых распространённых перифрастических наименований Боровичей – «город на Мсте», известнейший символ города – старый мост и гипотетическая ранняя история поселения (впервые упомянуто в 1495 г., но, поскольку оно определено как «погост», то к нему, вероятно, можно применить сообщение летописи, что «*в ле[то] 6455 иде Олга Новгороду и оустави по Мьсте погосты и дань...*» (ПСРЛ, с. 48.)).

В XIX – начале XX в. средоточием градостроительного ансамбля города был своеобразный «соборный крест», образованный четырьмя храмами, два из которых на правом берегу (Троицкий и примыкающий к нему Введенский) и два на левом (Спасо-Преображенский и Никольский), причём точка пересечения креста оказывалась на Мсте, где в зимой, в праздник Крещения устраивали иордань (Полевилов 2006, с. 32.). В середине XX в. эта система четырёх доминант была сведена до двух, причём они стали менее заметны: из соборов сохранился лишь Троицкий (как уже сказано, превращённый в Городской дом культуры), а на месте Спасского стоит Дом Народного Творчества (в прошлом – Районный дом культуры) однако площадь перед ним остаётся важным центром культурного ландшафта.

Традиционно правый берег носит название Городской, а левый – Заводской стороны⁸. Фактически действительно значительное число промышленных предприятий (хотя далеко не все) сосредоточено на левом берегу. В прошлом застройка здесь носила характер бедных рабочих поселений, в то время, как Городская сторона в дореволюционную эпоху была основным местом проживания мещанского населения (торговцев, ремесленников) и высших социальных слоёв. Сейчас различия между сторонами сгладились и хотя принадлежность к жителям той или другой стороны подчёркивали, как существенную, некоторые наши респонденты, гораздо большее значение для всех имеет общая идентичность как боровичан.

Однако уместно помнить, что то, что в определённых исторических условиях выполняет функцию объединения, в другое время может быть фактором разделения. Историки-краеведы обычно приводят первое упоминание «погоста Спасского Боровицкого» (Писцовые книги 1859, с. 515–531) и довольствуются тем, что фиксируют *terminus ante quem*: конец XV в. Однако в другом, несколько позднейшем источнике упоминается ещё Петровский Борисоглебский погост – тоже, со всей очевидностью, находившийся на территории современных Боровичей, но на правом берегу Мсты, в отличие от левобережного Спасского (Писцовые книги 1910, с. 911–925). Так что мы можем, конечно, в известном смысле вести от Спасского погоста прямую историю Боровицкого поселения вплоть до сегодняшнего дня, но только не Боровичей как важного и крупного *центра* восточной части Новгородчины. В то время,

когда строительство мостов было трудным и «чудесным» делом, река не соединяла, а разъединяла, и боровицкие погосты двух берегов представляли собой отдельные пункты, центры – но лишь небольшой сельской округи (в этом значении использовался тогда термин «погост») и, кстати, принадлежали к двум разным пятинам (крупным административно-территориальным единицам Новгородской земли) – Деревской и Бежецкой. А граница между ними как раз проходила по Мсте. Видимо, не случайно город Боровичи как таковой появляется в истории лишь с развитием судоходства по Мсте, налаживаются переправы (некоторые наши респонденты ещё помнили паромы на реке), и уже как завершающий шаг – сооружается мост, который ныне символизирует город.

Надо сказать, что превращение пограничного поселения или даже группы разнородных (и разноплеменных) поселений в крупный центр – явление, которому есть немало примеров в истории. Такой синойкизм и последующее перемещение границ порой обуславливались естественными и внешне случайными факторами, а иногда были результатом продуманного и удачного решения. К числу примеров первого типа можно отнести также возникший на реке и на стыке этнических границ древний Новгород, пространственная структура которого, названия древних районов (концов) и исторические данные заставляют многих исследователей видеть в его основе союз поселений нескольких славянских и финноязычных народов (См., например: Янин, Алешковский 1971, с. 43 и сл.). Можно вспомнить и Рим, являвшийся периферийным в Лации пограничным латино-сабинским городком (за Тибром уже начинались земли этрусков), но победивший в конкуренции занимавшую центральное положение Альбу-Лонгу. «Второй Рим», Константинополь, в свою очередь служит примером центра, созданного на пограничье (Европы и Азии) успешным волевым решением. Возвращаясь на русскую почву, можно привести в этом ряду также пример Петербурга.

Наш маленький экскурс и добавление к этому ряду известных примеров гораздо менее знаменитого городка на Мсте призван послужить ещё одним свидетельством относительности и исторической подвижности понятий центра и периферии, лабильности границ, неоднозначности пограничного положения – и противоречивости отражения этого в коллективной памяти.

Боровичи, вероятнее всего, известны польскому читателю (если известны вообще) как место расположения лагеря военнопленных, в котором содержалось с 1944 г. значительное количество поляков (в том числе бойцов Армии Крайовой). В 1992 г. бывшие заключённые лагеря создали «Объединение боровичан» в рамках «Союза сибиряков» (Зюлковская 2011). Эта география может показаться странной человеку, не посвящённому в сложную историю взаимоотношений наших стран. Однако более любопытно другое. Печальная страница в жизни людей парадоксальным образом стала отправной точкой для всё более тесных и дружественных контактов, деятельности, теперь уже не ограничивающейся мемориальными мероприятиями, а охватывающей такие, например, культурные инициативы, как выставка в 2007 г. в Варшаве

и в Боровичах работ польского художника и уроженца Боровичей Сергея Грудковского. Он давно живёт и работает в Польше, но признаёт, что город, где он родился, ему очень дорог (Николаева 2007).

Жизнь сложна, социокультурные процессы порой развиваются нелинейно и бывают трудно предсказуемы. Взаимодействие природных, экономических, этнических и прочих факторов приводит к возникновению объединяющих центров на месте бывших границ, барьеры превращаются в каналы культурного обмена и то, что сегодня разделяет людей, со временем может стать тем, что сумеет их соединить.

Литература

- Аванесов Р.И., Орлова В.Г. (ред.) (1965). *Русская диалектология*. Москва: Наука.
- Артёмова О.Ю., Антропова Н.А. (ред.) (2010). *Социальная антропология современного русского города (итоги полевых исследований)*. Москва: ИЭА РАН.
- Васильев В.Л. (2007). *Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли*. Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Т. 21. Новгород: НГОМЗ.
- Замятин Д.Н. (1999). *Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии*. Смоленск: Ойкумена.
- Замятин Д.Н. (2003). *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. (2004). *Диалектное членение русского языка*. Москва: УРСС.
- Зеленин Д.К. (1991). *Восточнославянская этнография*. Москва: Наука.
- Зюлковская Э. (2011). *Феномен Боровичей*. Новая Польша, 3.
- Николаева Л. (2007). *Дар польского художника*. Красная искра, 52.
- Писцовые книги (1859). *Новгородские писцовые книги*. Том 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.
- Писцовые книги (1910). *Новгородские писцовые книги*. Том 6. Книги Бежецкой пятины. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.
- ПМА (2010). *Полевые материалы авторов*. Электронный архив проекта: Боровичи. Собраны в 2010 г.
- Полевиков А.П. (2006). *Боровичи – на Мсте прекрасный город*. Боровичи.
- Поликарпов А. (2010). *Разговор с Пашей Осиповым*. In Бороборо. Блог № 1 о Боровичах. 05.09.2010. <http://boroboro.ru/2010/09/05/razgovor-s-pashej-osipovym> [30.11.2011]
- ПСРЛ (1998). *Полное собрание русских летописей*. Том 2. Ипатьевская летопись. Москва
- Седов В.В. (1999). *Древнерусская народность*. Москва: Языки русской культуры.
- Случевский К.К. (2009). *По Северу России*. Москва: ОГИ.
- Тишков В.А. и др. (2010). *Отчёт о научно-исследовательской работе по Государственному контракту № 14.740.11.0352 «Социальная антропология современного русского города: изучение и подготовка специалистов»*. Москва: РГГУ.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. (1971). *Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)*. История СССР, 2. Москва – Ленинград, с. 32–61.

Abstract

The phenomenon of the *boundariness* should be regarded not only in its present aspect. It is worth to be complemented with the diachronic approach of the historian and the anthropologist's interest in the specific, peculiar, qualitative aspects of the reality. Significant is the example of Borovichi, a town of the north-western Russia, that has been studied in the research project "Social Anthropology of Modern Russian Town". The town, usually perceived as an economical and cultural *centre* of the eastern part of Novgorod region in the very middle Russia, formed (as revealed by a deeper examination) on a whole "bundle" of natural, cultural, ethnical and other boundaries. One may conclude that the factors of division can under certain circumstances become factors of unification, that the borderline situation can turn out as advantageous and lead to the formation of a new centre, thus making the centrality and *peripheralness* relative.